

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

Десантура!

**ПРИВЫЧКА
ПОБЕЖДАТЬ**

ЭКСМО

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Привычка побеждать

«ЭКСМО»

2009

Зверев С. И.

Привычка побеждать / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2009 — (Спецназ ВДВ)

На этот раз путь майора Лаврова по прозвищу Батяня и его спецназовцев лежит на Ближний Восток. Задание простое – сопровождать бывших чеченских боевиков, посланных в Ливан для охраны российского строительного батальона. Но расслабляться Батяне некогда. Международный террорист Имам готовит крупный теракт, обвинят в котором строителей. И кто-то из чеченцев помогает ему. Тут нужен глаз да глаз. Тем более что Батяня узнал, какая роль уготована ему в этой нечистой игре. Ничего, дальше он будет играть по своим правилам...Ранее роман выходил под названием «Батяня. Последнее русское предупреждение».

© Зверев С. И., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Зверев

Привычка побеждать

Глава 1

Аэропорт курортного Симферополя жил своей полусонной, обычной для начала девяностых годов, жизнью. Миновали те времена, когда все здесь бурлило, а диспетчерские службы с превеликим трудом успевали разводить в небе многочисленные «борта», стремившиеся сюда со всех концов необъятной страны. Сегодня эта необъятная страна уже, можно сказать, дышала на ладан.

Дефицитом стало все, в том числе и авиационный керосин. В избытке были, пожалуй, только денежные знаки, которые, правда, обесценивались чуть ли не ежедневно. Поэтому и стабильный поток курортников, некогда кормивший Крым, сейчас сократился до минимума. Соответственно и жизнь симферопольского аэропорта едва теплилась.

Все эти перемены, казалось, совершенно не затронули военную часть аэродрома, расположенную вдаль от аэровокзала. Тут все шло размеренным еще в середине шестидесятых годов чередом: деловито урчали заправщики, не сидели без дела ремонтные службы. С завидной регулярностью выруливали, поднимались в воздух и приземлялись неуклюжие, но вместительные «транспортники» и юркие «вертушки».

Раз в месяц, как по расписанию, военная полоса принимала самолеты и совершенно гражданского вида, с опознавательными знаками зарубежных стран. Эти рейсы выруливали к самым дальним стоянкам, где, вдаль от любопытных глаз, их разноязыких пассажиров поджидали интуристовского вида «Икарусы» с тонированными стеклами. Правда, как ни странно, сразу после погрузки эти шикарные для того времени автобусы направлялись вовсе не в город или в комфортабельные гостиницы морского побережья. Везли они своих странных туристов почему-то в сторону предгорий, куда вела узкая бетонка, начинающаяся сразу за ангарами, в самом конце взлетно-посадочной полосы.

Случайный человек, оказавшись в подобном автобусе, был бы сильно удивлен невозможностью полюбоваться окрестными пейзажами. Окна изнутри были такими же непрозрачными, как и снаружи. Но случайных людей в салонах «Икарусов» оказаться не могло. Все эти спортивного вида молодые люди в обязательном порядке проходили жесточайший отбор в военных спецслужбах как минимум двух стран. И доставляли сюда этих молодцеватых парней, зачастую за многие тысячи километров, вовсе не для созерцания красот горного Крыма...

Если бы какой-нибудь автомобилист, пренебрегая всеми запрещающими знаками, и отважился въехать на эту бетонку, то через несколько десятков километров в тесном ущелье неминуемо уперся бы в шлагбаум контрольно-пропускного пункта.

Там после серьезного разбирательства бедолага запросто мог лишиться не только водительских прав, но и свободы на ближайшие несколько лет. И уж, конечно, никто не стал бы ему объяснять, что за КПП, куда привела его неприметная бетонка, недалеко от поселка Перевальное, находится секретная база подготовки диверсантов-спецназовцев. В этом укромном уголке Крымского полуострова уже более четверти века обучали готовых на все головорезов. Причем далеко не только для одной шестой части земной суши...

Несмотря на то что Советский Союз уже трещал по швам, а идея мировой революции, мягко говоря, несколько утратила свою привлекательность и актуальность, база продолжала исправно функционировать. Здесь с упорством, достойным лучшего применения, продолжали «выпекать» весьма специфичные кадры для «братских» стран социалистического лагеря. И,

конечно, для тех государств, которые стали на путь строительства социализма, а вернее, умело были поставлены на него усилиями советских спецслужб.

* * *

Небольшое плоскогорье, поросшее чахлой, выгоревшей на южном солнце травой, а кое-где и колючим кустарником, доминировало над окружающей местностью. Чаще всего, завершая курс обучения, именно здесь сдавали один из экзаменов на профессиональную пригодность и представители различных спецслужб так называемых дружественных стран: Кубы, Сомали, Анголы, Никарагуа, Афганистана... Сегодня пройти суровое испытание предстояло очередной группе зарубежных курсантов, на этот раз из Эфиопии.

Кажется, еще минуту назад можно было без особого труда разглядеть место предстоящих «боевых действий», но крымская ночь, наступившая, как всегда, неожиданно, надежно укрыла подробности горного рельефа. Только яркие, почти не мерцающие южные звезды зажглись в вышине, но они лишь подчеркнули бархатную темноту теплой ночи.

Словно по сигналу, послышался вертолетный рокот. Звук, многократно усиленный обрывистыми склонами, грозно нарастал. И вот уже, будто чертик из табакерки, из черного провала ущелья появился хищный силуэт тяжелого десантного вертолета «Ми-26». Боевая машина, осторожно ощупывая ярким лучом прожектора пустынную местность, сделала небольшой круг над скалами и неподвижно зависла в темном небе.

Рекогносцировка с воздуха ничего подозрительного не выявила: с высоты скалы выглядели абсолютно безжизненными. В темном проеме боковой двери вертолета была видна фигура крепко сбитого человека невысокого роста, который был одет в камуфляж без знаков различия. Он последний раз окинул цепким взглядом местность, расстилавшуюся под ним, и, не поворачивая головы, отдал отрывистую команду, продублировав ее властным взмахом руки. Жест был понятен даже без перевода: «Вниз!»

Длинными черными змеями скользнули десантные тросы, и несколько странноватые для этих широт темнокожие командос ловко и быстро выполнили приказ. Прошедшие здесь нелегкий курс обучения, они твердо знали поставленную перед ними задачу – внезапным десантированием захватить плацдарм и удерживать его, отражая возможные атаки противника.

Первая фаза операции – стремительная высадка – прошла успешно. «Борт», выполнив свою часть задания, заложил крутой вираж над высотой и уверенно нырнул в темноту горного ущелья. А уже через минуту-другую и шум его винтов затих где-то в отдалении.

Гассам Арат – так звали старшего эфиопской группы – грамотно рассредоточил своих не единожды проверенных в деле головорезов по периметру горной возвышенности. Вооруженные до зубов и оснащенные приборами ночного видения, они сюда и мыши не дадут проскользнуть. Теперь оставалось только ждать, так как условный противник сможет добраться сюда часов через пять-шесть, не раньше. Гассам полностью был уверен в этом, потому что ему, хитрому лису, удалось подслушать в штабе базы обрывок разговора проверяющего из Москвы и офицера, которого назначили возглавлять отряд «противника».

Эфиопу повезло. Предыдущий день выдался не по-осеннему душным, и окно штабного кабинета, где проходил инструктаж, было распахнуто настежь. Да и сам разговор велся на повышенных тонах.

Москвич распекал командира базы за отсутствие на складе имитаторов мин, а офицер-десантник жаловался на усталость своих людей после марш-броска с полной выкладкой. Из всего услышанного следовало, что минировать плацдарм предстоящих действий нечем. А усталые десантники смогут добраться до «точки» определенно не раньше рассвета и уж тем более засаду подготовить не успеют.

Не знал командир африканцев, что его «противник» не кто иной, как майор Андрей Лавров, которого подчиненные между собой уважительно называли Батяней. А это был один из лучших спецназовцев ВДВ, о чьих подвигах слагались легенды. Он-то и организовал «разговор» у открытого окна для дезинформации командира отряда «южных». Но довольный собой африканец не мог этого знать и поэтому сейчас совершенно спокойно предался своим мыслям.

А в мечтах он унесся далеко от этой крымской земли – на свой родной Африканский континент, где его ожидала блестящая карьера и должность командира личной гвардии эфиопского правителя. Именно с этим прицелом и отправили его на обучение в Советский Союз – стране, «строящей социализм», нужна была срочная замена кубинским командос, которых бородатый команданте Фидель Кастро по какой-то причине отозвал из Эфиопии.

«Может, на далеком Острове свободы своей контры расплодилось? – мелькнула ленивая мысль, но Гассам отмахнулся от нее, как от назойливой осенней мухи. – В конце концов, какое мне дело до каких-то там кубинцев. Просто замечательно, что их наконец убрали. Тем самым для меня открываются великолепные перспективы на пути к власти, а значит, к безбедной жизни!»

От сладких мечтаний постепенно начинала одолевать сонливость. Сладко зевнув и потянувшись, он подумал, что чашечка крепкого кофе в такой момент не помешает. А этот воистину чудодейственный, бодрящий напиток должен быть в термосе запасливого земляка Абебе, который лучше всех его готовит.

Рывком поднявшись на ноги, командир эфиопов поначалу испугался, что от резкого движения у него приключились какие-то нелады с вестибулярным аппаратом, – темные травянистые кочки внезапно поплыли перед его глазами. От неожиданности он даже вскрикнул, но когда сообразил, в чем дело, – ужас охватил командира «южных». Прямо у него под ногами, как будто из преисподней, материализовалась крепкая фигура русского десантника. Сонливость как рукой сняло. То, что Гассам Арат принимал за клочья травы, оказалось виртуозной маскировкой!

«Черт побери! Откуда он взялся?» – молнией мелькнуло в разгоряченном мозгу Гассамы, а тренированное тело в тот же миг автоматически отреагировало резким прыжком в сторону и кувырком.

Он издал гортанный крик, но этот условный сигнал общей тревоги явно запоздал. На плацдарме уже творилось нечто немыслимое: со всех сторон слышались одиночные выстрелы, звуки рукопашной схватки и характерные хлопки имитаторов противопехотных мин. Тех самых, в отсутствии которых он был абсолютно уверен. Командир лучше кого-либо понимал всю сложность ситуации, в которую попал отряд из-за его самонадеянности. Зацепиться за высоту не было ни малейшего шанса, а единственный путь отступления оставался только по направлению к обрыву.

В распоряжении эфиопа было лишь два варианта. Или немедленно признать себя побежденным, а следовательно, сдаться в плен. Или попытаться совершить невозможное...

Горячий африканский парень выбрал последнее. Он оставил уже ввязавшихся в безнадежную схватку соотечественников сдерживать противника. Сам же с остатками своего отряда решил спуститься по незнакомому почти отвесному склону и попытаться крутыми козыми тропками выйти в тыл атакующим десантникам.

Все же не зря Гассам Арата в учебном лагере прозвали Арапом. Меткое прозвище, которое с легкой руки острословов-десантников к нему прочно приклеилось, не только было созвучно его имени, но соответствовало и происхождению. А главным образом оно весьма красноречиво свидетельствовало о настырном и упрямом характере африканца.

Вот и сегодня он «попер на арапа»...

Тем временем отлично тренированные «орлы» Батяни методично и уверенно завершали разгром оставленного командиром «южных» боевого прикрытия. Выстрелов уже не было

слышно, да и что толку от стрельбы холостыми? То ли дело рукопашная! В этом элементе военной игры условиями учений разрешался практически полный контакт. Где же еще, как не здесь, можно было на деле показать приемы, на освоение которых потрачены долгие годы тренировок?!

Маршрут для маневра, выбранный эфиопом, был по плечу исключительно виртуозам-альпинистам, да и то в светлое время суток и после предварительной проработки. С горами шутки плохи. Но, как ни удивительно, группа продолжала свой отчаянно рискованный спуск. Авангард даже умудрился добраться до узкого, но достаточно прочного карниза, который мог дать шанс выполнить задачу, поставленную командиром.

Внезапно раздался грохот падающих камней, и отчаянный крик разорвал тишину, наступившую после боя.

«Кто?!» – прозвенело тревожным зуммером в голове майора Лаврова, который до этого момента одобрительно наблюдал из укрытия за действиями своего отряда. Хотя за подготовку своих бойцов он был абсолютно спокоен, но чем черт не шутит!..

– Паук! Крот! Страховать! – крикнул он, а ноги сами уже несли его к тому месту обрыва, где с кем-то случилась беда.

Те, кому офицер отдал команду, уже догнали его и на бегу начали готовить страховочную веревку.

Конечно, имена у них были совершенно другие, и по уставу так обращаться к ним не положено. Но короткие, как выстрел, клички вместо уставного обращения «рядовой Терентьев» и «младший сержант Скоробогатый» в боевой обстановке значительно экономят время. А от секунд зачастую зависит не только судьба задания, но и сама жизнь.

Веревка с тихим шорохом скользнула в пропасть, и по ней, используя нехитрое альпинистское приспособление под названием «улитка», Батяня начал спускаться в неизвестность темноты.

– Свет! – через секунду-другую уже спокойно и деловито скомандовал он.

Один за другим вспыхнули с десятков мощных фонарей, входящих в экипировку десантников. А еще мгновение спустя, когда к ним присоединили свои фонари «пленные» и «убитые», картина происшествия стала ясна до мельчайших подробностей.

Арап, замыкавший отходящую группу, по всей видимости, оступился и, потеряв точку опоры, так необходимую в горах, сорвался в пропасть. Но ему несказанно повезло: на пути его падения, которое должно было оказаться последним в его жизни, оказалось высохшее деревце, неизвестно каким ветром занесенное на этот почти вертикальный склон. Оно-то и спасло диверсанта от неминуемой гибели или, по крайней мере, временно отдалило ее, подцепив счастливого своим чахлым стволиком за застёжку бронежилета.

– В рубашке парень родился! – восторженно пробасил один из десантников, подстраивая луч своего фонаря.

– У них в Эфиопии, наверное, не в рубашках рождаются, а в бурнусах, или как их там?.. – возразил ему известный балагур по прозвищу Треп и насмешливо добавил: – Но этот, по всему виду, – в «бронике»...

– Отставить диспут! – неожиданно сердито рявкнул снизу Батяня, сам учивший своих бойцов, что хорошая шутка в трудной ситуации спасти может.

Болтуны в ту же секунду прикусили языки, понимая, что, если командир, всегда спокойный, как танк, начал покрикивать и злиться, – что-то явно не слава богу. И действительно, когда десантники пригляделись повнимательнее, они увидели то, что успел заметить Батяня, находившийся ближе всех к месту события. Стволик хилого деревца белел свежей трещиной, которая увеличивалась на глазах. В наступившей тишине было слышно предательское потрескивание древесины.

– Травить! – резко выдохнул Андрей и, заметив, что страхующие его бойцы слегка замешкались, нетерпеливо подстегнул: – Мигом!

С его позиции было видно, как начинают разъезжаться застежки на бронежилете висящего над темной бездной Арапа. Сам бедолага ничего этого не видел и не оставлял лихорадочных попыток зацепиться за дерево руками. Но каждое его движение только усугубляло ситуацию и приближало развязку. Раздумывать было некогда.

– Не рыпайся, эфиоп твою!.. – заорал Батяня и, с силой оттолкнувшись ногами от скалы, словно ныряя в воду, отчаянно ринулся в пропасть вниз головой.

Чем закончится этот фокус, он не знал, но это был, пожалуй, единственный шанс успеть. А шанс, даже если он единственный, всегда нужно использовать. Тем более когда есть уверенность в крепости и надежности рук страхующих тебя бойцов.

В кровь разодрав колени и локти об острые выступы скал, Андрей все-таки успел мертвой хваткой вцепиться в ноги Арапа, когда тот уже падал. Расстегнувшийся все же бронежилет, словно огромная летучая мышь, бесшумно скользнул вниз и исчез в черноте ночи. Однако все подробности майор Лавров осознал только потом, когда эти картинки прошли перед его глазами, как на замедленном повторе голевого момента.

– Держать! – прохрипел офицер скорее самому себе, чем своим бойцам.

Десантники, поняв отчаянный маневр своего командира, сумели сравнительно мягко смикшировать падение двух не очень шуплых мужиков. Теперь они уже быстро, но осторожно поднимали их из пропасти, словно пару воздушных гимнастов в цирке...

* * *

Остатки утреннего тумана легким белым маревом клубились в долине, напрасно стараясь зацепиться за угловатые выступы горных склонов. Несмотря на конец сентября, почти полетнему теплое солнце брало свое.

На небольшой площадке перед зданием штаба замерли две «коробки» – вчерашние «противники». Предстоял разбор прошедших учений и вынесение высочайшего вердикта.

Преамбулу местного замполита, занудно и привычно бубнившего о сложности международной обстановки, как обычно, никто не слушал. Да и сам политрук не очень-то рассчитывал на внимание, а скорее отрабатывал привычный ритуал.

Наконец прозвучал неременный финальный панегирик руководящей роли коммунистической партии. Профессиональный местный говорун подобострастно уступил место у микрофона московскому инспектору, затем снял свою фуражку и, вытирая вспотевшую от усердия лысину носовым платком, изготовился внимательно слушать проверяющего.

– В целом обе стороны справились с поставленной задачей неплохо... – стандартной фразой начал свою речь столичный гость, слегка утомленный как сегодняшним южным солнцем, так и вчерашней дегустацией отменной продукции знаменитых крымских виноделов.

Обычно после подобного стандартного вступления следует ключевое слово «однако», а затем и начинается собственно разбор «полетов», а то и форменный разнос.

Конечно же, не самой выволочки боялись превратившиеся в слух африканцы. Они отлично представляли себе крутую реакцию их вождя, Менгисту, на отрицательную оценку его будущих гвардейцев. Сейчас на карту была поставлена не только карьера, а, пожалуй, и жизнь.

– ...однако, – произнес ожидаемое слово инспектор, – курсант Гассам Арат, командир отряда «южных», недостаточно ответственно отнесся к проведению рекогносцировки, вследствие чего лишил своих бойцов возможности выполнить возложенное на них задание с общей оценкой «отлично».

«Издавается!.. – подумал Гассам, нервы которого были натянуты, как струна. – Какое, к черту, может быть „отлично“ после такого грандиозного провала?»

Абиссинец знал, что еще с утра тот самый офицер, который фактически спас его от неминуемой гибели, побывал на ковре у московского проверяющего. Своим докладом о вчерашнем ЧП десантник, несомненно, должен был поставить жирный крест на всех амбициозных планах африканца.

Ведь настоящим проверяющим, конечно же, был не этот паркетный красавчик из Москвы, который в своей жизни ничего тяжелее стакана водки не поднимал, а он, выдавший виды боевой офицер Андрей Лавров.

– Мне думается, что за оставшиеся дни учебы наши африканские друзья будут иметь возможность и в теории, и на практике подтянуться в специальной подготовке. И приложат максимум усилий в целях совершенствования ратного мастерства, а особенно в тех его аспектах, на небольшие упущения в которых справедливо указал в своем рапорте командир отряда «северных». Правда, не может не радовать то, что во время выполнения этого достаточно сложного задания, – продолжал тешиться своим штабным красноречием московский оратор, – обошлось без чрезвычайных происшествий, а тем более без человеческих потерь, которые имели место при выполнении подобного задания кубинскими товарищами полгода назад. Значит, процесс идет в нужном направлении, а уровень боевой и политической подготовки неуклонно повышается, что нельзя не отметить...

Его витиеватые фразы с большим трудом доходили до сознания африканца, но когда в конце выступления проверяющий произнес:

– ...выставить общую оценку «хорошо», – удивлению эфиопа не было границ.

Не переставая думать о «загадочной русской душе», он как на автопилоте прошагал перед трибуной во главе своего отряда под иронично звучащий в этой ситуации марш «Прощание славянки».

* * *

Осень все-таки постепенно вступала в свои права. Она, словно талантливый художник, изысканными мазками расцветила кизилловые заросли на горных склонах, добавив в сдержанную палитру крымского пейзажа теплые красноватые тона. Наступил настоящий бархатный сезон.

Этой благодатной порой, когда уже не жарко, но еще не холодно, эфиопские командос окончательно завершили учебу и по инициативе своего командира проставляли «отходную».

Легкий, чуть синеватый дымок костерка придавал небольшой поляне какой-то домашний уют, которого всегда так не хватает людям в погонах. Может быть, именно поэтому военные и умеют ценить эти редко выпадающие на их долю минуты, когда можно на время забыть о службе и немного расслабиться.

Первые дозы горячительного уже были приняты на грудь, и бывшие соперники в сражении на высоте праздно разбрелись по поляне, образовав группки по интересам.

Из всех Батяниных парней, пожалуй, только один младший сержант Скоробогатый был занят конкретным делом. Он уже научился готовить диковинный соус, который эфиопы щедро добавляли почти в любое блюдо. Основным компонентом этой приправы с коротким названием «ват» была алыча, собранная здесь же, на горных склонах. Теперь же, постигая секреты приготовления шашлыка по-абиссински, Владимир ни на шаг не отходил от импровизированного мангала из камней. Там над второй партией интернационального блюда сосредоточенно священнодействовали два темнокожих амбала.

Гассам и Андрей в ожидании горячей закуски присели на причудливо изогнутый ствол поваленного дерева. У «коллег» накопилось множество вопросов друг к другу, но российский десантник и здесь был первым:

– Расскажи-ка ты мне про свою страну, – попросил он, – до безобразия мало мы о ней знаем. Разве вот только, что предок нашего Пушкина твой соотечественник – каждый школьник скажет, а больше...

Конечно, Андрей скромничал. На политинформациях он не спал, да и прессу листал в свободное время, и поэтому не мог не знать, что «дружба» с этой далекой африканской страной зародилась еще в брежневские времена. Что пришедший к власти амбициозный полковник объявил о построении социализма и тут же, как это принято, развязал кровавую борьбу с «врагами народа».

– Даже и не знаю, с чего начать, – задумчиво произнес смуглолицый собеседник.

– Начни с начала, – улыбнулся спецназовец, – у нас так обычно говорят.

– С начала?

– Ну, не с конца же начинать, – резонно ответил Андрей, доставая из пачки сигарету.

– Если так, то нужно вернуться в прошлое почти на три с половиной миллиона лет. Такой возраст предшественника человека, останки которого нашли на нашей территории археологи.

– Ни фига себе! – не смог сдержаться десантник. – Выходит, твоя страна не только родина кофе, но и колыбель всего человечества?

– Вот именно, – горделиво воскликнул арап, – самый древний человек во всем мире – мой предок!

Радуюсь, что удивил бывшего воина, Гассам Арат поведал ему, что старое название его страны Абиссиния переводится как «страна с обожженными солнцем лицами».

«А что, очень даже похоже!» – мысленно отреагировал Андрей Лавров, взглянув на лицо своего смуглого собеседника.

Тот, решив еще больше усилить эффект от своей «лекции», начал сыпать историческими фактами и легендами. Его буквально распирала гордость. Правда, возникало смутное ощущение, что больше за себя, чем за свою далекую родину.

Андрей закурил и теперь с едва скрываемой иронией смотрел на своего собеседника сквозь облачко ароматного дыма, которое повисло между людьми в полном безветрии теплого вечера.

Может, еще и потому, что длинный рассказ его эфиопского «крестника» о сегодняшнем дне африканской страны сильно смахивал на сухие строчки путеводителя, десантник слушал не очень внимательно. И только когда Арат начал рассказывать о пустыне, в которой, будучи мальчишкой, заблудился и чуть не погиб от жажды, Андрей снова заметно оживился.

– А знаешь, как можно добывать воду в пустыне? – прервал он слегка затянувшийся монолог. – Смотри и запоминай, может, и пригодится когда-нибудь.

Сначала африканец обиженно надулся, но когда десантник взял прозрачный полиэтиленовый пакет из-под какой-то снеди, ловким движением надел его на ветку соседнего дерева и плотно обвязал горловину куском шпагата, тот явно заинтересовался.

Правда, по его лицу было видно, что пока он не может врубиться в смысл этих простеньких манипуляций.

– Это же элементарно! – рассмеялся майор Лавров, увидев недоумевающую физиономию Арапа. – Листья растения на солнце испаряют влагу, а ночью, когда прохладно, она конденсируется на стенках пакета. Круговорот воды в природе – курс средней школы! За ночь этим нехитрым образом из одного такого пакета можно получить стакана полтора чистой воды на халяву.

– Что такое «на халяву»?

Этот вопрос еще больше развеселил офицера. Он понял, что подобного оборота не может знать африканец, изучавший наш «великий и могучий» на московских военных курсах, а не в городской подворотне. Пришлось сжалиться над бедолагой и разъяснить суть этого выражения. А в качестве яркой иллюстрации рассказать бородатый анекдот с ключевой фразой «халява,

сэр!». Только с помощью этих слов иностранная стюардесса смогла втолковать русскому туристу, что спиртное, которое она ему предлагала, бесплатное.

После этого настроение собеседника явно улучшилось, и, тронув рукой полиэтиленовый пакет, уже покрывшийся изнутри легкой испариной, он мечтательно произнес:

– Ха-ля-ва...

– Конечно, и это халява. Ты думал, что я с тебя деньги потребую? Пусть это будет моим маленьким подарком братскому эфиопскому народу, – с иронией произнес Лавров и предложил: – Вот за это давай и выпьем!

Как будто услышав эти слова, к ним уже подходил рослый темнокожий верзила, богатырскую статью которого российский десантник отметил еще до начала учений. Это был, пожалуй, единственный, кого так и не смогли скрутить бойцы Лаврова на высоте.

Сейчас смуглая лоснящаяся физиономия, распаренная около мангала, выражала радушие и подобострастие. И немудрено. Сегодня в его громадных ручищах был не привычный «АКМ», а любовно сервированный поднос. На нем исходил нездешними ароматами свежеприготовленный шашлык и возвышалась горка нарезанных овощей. Венчала эту аппетитную композицию, достойную кисти голландских живописцев, только что извлеченная из ледяной воды горного ручья непочатая бутылка «Посольской».

«Угодить начальству – черта интернациональная», – улыбнулся про себя Андрей, привычным движением разливая живительную влагу.

Налив два стакана, он взглянул сначала на темнокожего исполина, который переминался с ноги на ногу чуть в стороне, а затем перевел вопросительный взгляд на его командира, но тот только отрицательно мотнул головой.

«Ваши дела, – подумал спецназовец, – со своим уставом в чужой монастырь не лезут!»

Однако тень надменной брезгливости по отношению к своему подчиненному, мелькнувшая в красноречивом жесте Арапа, оставила в душе русского офицера неприятный осадок. Досадное ощущение еще больше усилилось, когда его собеседник, подняв стакан, неожиданно заговорил, причем чуть ли не тоном заправского политинформатора:

– Наши страны всегда связывали и будут связывать крепкие узы нерушимой дружбы. Мы никогда не свернем со светлого пути строительства социализма, по которому нас уверенной рукой ведет наш мудрый руководитель, товарищ Менгисту Хайле Мариам. В этом нелегком деле братская помощь русского народа всегда придает нам сил. Поэтому мой тост за тебя, дорогой русский брат!

Если бы аппетитный шашлык с каким-то дивным соусом не привлекал к себе соблазнительным ароматом, под который грешно было не выпить, Андрей дал бы хороший отлуп этому «брату-социалисту». Была масса примеров, когда подобные «идейные союзники» с одинаковой искренностью клялись в верности то Союзу, то Штатам и по очереди успешно «доили» обе сверхдержавы. Но сейчас начинать диспут не имело никакого смысла. А главное – не было желания.

Когда Арап взялся наливать снова, Андрей поначалу хотел отказаться, сославшись на какую-нибудь уважительную причину, – не очень-то симпатичным оказался этот спасенный им человек при ближайшем знакомстве. И только заметив, что Гассам снова переходит на более искренний и человеческий тон, офицер изменил свое решение.

Закусили мясом, буквально таявшим во рту, и тут Арап решился задать вопрос, который мучил его с той памятной ночи.

– Скажи, Батяня, – несмело начал он, решив блеснуть своей осведомленностью и обратиться к собеседнику так, как называли его десантники, – зачем ты рисковал из-за меня своей жизнью? Ведь для таких учений, как мне рассказывали, у вас существуют нормы потерь. Тебе же никто не отдавал приказа спасать меня...

– Для начала, никакой я тебе не Батяня! – резко оборвал его майор. – Запомни, на это имя имеют право только мои солдаты. Они меня так называли. Только для них и не для кого другого я Ба-тя-ня!

– Извини, пожалуйста, я не знал...

Но Андрей, казалось, не слышал извинений. Пристально глядя в глаза испуганному африканцу, он тихо произнес:

– Заруби себе на носу: у нас, в ВДВ, далеко не все делается по приказу.

Майор поднял свой стакан и уже совсем другим, почти безразличным голосом добавил:

– Ну а теперь прощай...

– Спасибо тебе за все!.. Никогда не забуду, что ты спас мне жизнь... Бог даст, когда-нибудь свидимся... – торопливо и сбивчиво лепетал Арап, пытаясь заискивающе заглянуть в глаза десантника.

– Думаешь?.. – бросил уже вполоборота Батяня и, желая оказаться в лучшей компании, решительно направился к своим бойцам.

Действительно, людей в форме, которых случайно свели вместе превратности судьбы, объединяло, пожалуй, только одно качество – нежелание сдаваться в самых безвыходных ситуациях. Во всем остальном они были антиподами.

Никто из них и предположить не мог, что такая, казалось бы, невозможная встреча все же когда-то произойдет.

Глава 2

Всем известно: Восток – дело тонкое. Что ж тогда можно сказать о Ближнем Востоке? Кому он «ближний» – совершенно неизвестно, но там и сам черт ногу сломит!

Грубо говоря, на протяжении многих тысячелетий местные арабы и евреи упорно пытались выяснить, кто из них главный. Но так как бог не создал никого главнее другого, а, напротив, сказал, что все племена и языки одинаково ему дороги и равны пред его мудрым и всевидящим взором, выяснение отношений плавно перетекло и в третье тысячелетие от Рождества Христова.

Именно в это время в высоком московском кабинете, отделанном дубовыми панелями и украшенном лепниной еще в сталинские времена, расположившись в массивных кожаных креслах, вели неторопливую беседу двое мужчин в военной форме. Перед ними на плазменном экране суперсовременного телеприемника, который резко контрастировал с интерьером, мелькали кадры последних событий в районе израильско-ливанской границы.

Скорее всего, это была не трансляция, а запись. Видеоряд явно относился к минувшим событиям: палестинские ракеты «Кассам» стартовали с территории Ливана и падали на жилые районы еврейских городов и поселений. Само собой разумеется, что в ответ на это израильские самолеты и бронетехника «утюжили» территорию противника. Они методично и успешно превращали арабские поселения и коммуникации в груды дымящихся развалин.

Но вот, словно утомившись от самого вида разрушений, седовласый пожилой генерал, по всей видимости хозяин кабинета, легким взмахом пульта перевел телекартинку в режим стоп-кадра. Грузно поднявшись с кресла, он разлил по рюмкам коньяк из пузатой бутылки.

Невооруженным глазом было видно, что этот человек прожил большую и, по всей видимости, лучшую часть своей жизни вовсе не в московском кабинете. Такие люди еще изредка встречаются на бескрайних российских просторах, но, к великому сожалению, их с каждым днем становится меньше и меньше. Наверное, именно про таких служак на Руси когда-то с большим уважением говорили: слуга царю, отец солдатам.

Подняв свою наполненную рюмку, генерал жестом пригласил сидящего напротив собеседника присоединиться.

– Послушай, Андрей, ведь ты наверняка уже догадался, что я тебе не зря это кино крутил, – с легкой хрипотцой в голосе произнес хозяин кабинета, кивая в сторону экрана, где в какой-то неуклюжей фазе полета беспомощно зависла самодельная арабская ракета. – Военные действия, как ты знаешь, там уже окончены, – продолжил генерал, небольшими глотками смакуя коньяк, – но разрушений в этой стране, мягко говоря, немало. Можешь оценить их масштаб как профессионал?

Человек в форме майора, не вставая с кресла, удивленно вскинул брови:

– А вы, часом, ни с кем меня не путаете, товарищ генерал? Я ведь не стройбатом, а десантным батальоном командую!

– Да погоди ты, не ершись! Ну и характерец – не дай бог!..

– Двадцать лет устраивал, а сегодня после обеда – вдруг разонравился? – с улыбкой парировал офицер и, вставая с кресла, продолжил: – Что-то вы, Михалыч, больно длинное предисловие затеяли, да еще и с «киножурналом». Ой, чует мое сердце – не к добру это!

– Вырастил на свою голову «боевую смену», – притворно рассердился генерал, – наказывать тебя как следует...

– Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют!

– Ну, во-первых, не забывай, что Союза давным-давно нет. А значит, устарела, брат ты мой, поговорочка-то офицерская... Где сегодня Кушка, а где мы?! А во-вторых, послать тебя

надо значительно дальше, в любом смысле этого слова!.. Все, будем считать, что разминка окончена.

С этими словами генерал расположился за письменным столом, раскрыл папку с бумагами, жестом пригласив Андрея Лаврова присесть, и продолжил уже совершенно серьезным голосом:

– Дело там предстоит очень и очень непростое. Один только Евросоюз уже выделил на восстановление Ливана больше двух миллиардов евро. Кроме этого, планируется безвозмездная помощь военных строителей Франции, Италии, Турции... На самом верху, – генерал поднял глаза на белый лепной потолок, – принято решение не оставаться в стороне от ближневосточного процесса и обеспечить присутствие России в этом регионе. Туда направляется отборный батальон наших военных строителей. А знаешь, кто будет их охранять?..

– Не иначе как ангел-хранитель?

– Я серьезно!.. – нахмурился генерал. – Тебе ни о чем не говорит фамилия Рахметов?

– Отца уже нет, вы про сына?

– Вот теперь – в точку! Он при своем «дворе» создал два отряда спецназа. Публика, я тебе доложу!.. Есть даже бывшие боевики, которые вовремя сориентировались и... попали под амнистию, – развел руками генерал.

– Будь моя воля...

– Не кипятись. В Средней Азии у России свои интересы есть. Один из этих отрядов год назад был почти полностью кавказским. Сегодня его основательно разбавили местными: узбеками, таджиками, киргизами... Получился мусульманский интернационал. Теперь они формально прикомандированы к одной из наших военных баз. Граница там сложная, местность – горная, вот и решили их задействовать...

– Так пусть бы там и сидели!

– Не все, брат, так просто... Решение, как ты понимаешь, принимал не я. Мудрецы на уровне СНГ решали. Политический подтекст здесь очевиден. Во-первых, дать знак всем этим движениям «ФАТХ»¹, «ХАМАС»², и кто там у них сегодня еще занимается «освобождением Палестины», что Россия доверяет мусульманам. Во-вторых, ненавязчиво намекнуть о том же самом Израилю. А в-третьих, убрать «джигитов» подальше от того региона. Слишком много на себя берут в последнее время, а там и без них головной боли – хоть отбавляй.

– Все это, конечно, замечательно, но при чем здесь я?

– Как говорится, доверяй, но проверяй. За такими охранниками глаз да глаз нужен, – хитровато прищурился генерал.

– Я же не особист...

– Именно поэтому и решено послать тебя и твоих ребят. А за особистов ты не очень переживай. Как ты и сам не хуже меня знаешь, без них в нашей армии и свинья в подсобном хозяйстве не опоросится!

– И все же при чем здесь ВДВ? Зачем нужны мобильные по определению десантники при выполнении охранных и надзорных функций? – не унимался майор.

– Вооруженные и хорошо обученные люди, с большим опытом боевых действий и терактов, способны на многое, – продолжал гнуть свою линию хозяин кабинета, имея в виду рахметовский спецназ. – Чего от них ждать в таком месте, никто не знает. Некоторые из них сохранили связи в арабском мире, а предавший однажды...

Майор чувствовал, что генерал чего-то недоговаривает, но терпеливо выслушивал его аргументы, которые уже явно начали иссякать.

¹ «ФАТХ» – перевернутая аббревиатура от арабского *Харакат аль-Тахрир аль-Ватани аль-Филастини*, «Движение за национальное освобождение Палестины». На арабском языке слово «фатах» значит – победа, завоевание, «хатаф» – смерть.

² «ХАМАС» – аббревиатура от арабского *Харакат аль-Мукаввама аль-Исламийя*, «Исламское движение сопротивления». Само слово «хамас» в арабском языке имеет несколько значений: сила, мужество...

– Ладно, по твоей физиономии все вижу, – неожиданно прервал сам себя генерал. – В таком деле...

Он, как будто решившись на что-то, снова наполнил рюмки и пересел в кресло, стоящее у журнального столика.

Офицер молча последовал его примеру. За долгие годы своей дружбы, несмотря на разницу в возрасте и званиях, они научились хорошо понимать друг друга. Иногда и без слов.

– Есть у меня одна проблема... – словно собравшись с духом, начал после паузы генерал, поставив на столик так и не пригубленную рюмку...

Многое знали эти солдаты один о другом. В свое время они прошли огонь и воду. Вместе, как говорится, пуд соли съели, однако то, что услышал Андрей от Владимира Михайловича в следующие минуты, было для него полной неожиданностью.

Оказалось, что в начале семидесятых, когда его старший друг еще носил погоны с маленькими звездочками, он был по уши влюблен в девушку, готов был предложить ей руку и сердце. Ангельски красивое юное создание имело только один, но очень существенный по тем временам «недостаток». И обозначен он был в пятой графе ее анкеты.

Правда, выяснилось это только в тот момент, когда потенциальный зять был приглашен в дом родителей невесты для знакомства. Дело в том, что в молодости еврейки часто бывают не очень похожими на типичных представительниц своей нации. Характерные черты у них проявляются лишь с возрастом.

Самому Владимиру тогда была совершенно безразлична национальность его избранницы, однако в советской стране в те годы махровым цветом расцвел негласный антисемитизм. Знающие люди намекнули молодому офицеру, что после такой свадьбы он может навсегда забыть о своей служебной карьере, потому что родители Эсфири давно подали документы на выезд. А таких, как они, тогда называли не иначе как изменниками Родины. «Изменники», правда, сами разъяснили жениху все проблемы, связанные с их шатким положением, но и словом не обмолвились, что его молодая избранница, их дочь, ждет ребенка.

Разрешение на выезд в Израиль семья Эси неожиданно получила раньше, чем ожидалось. А по закону самой гуманной в мире страны отъезжающие должны были распродать свой нехитрый скarb и успеть покинуть ее пределы в месячный срок. Как на грех, случилось это именно в то время, когда будущего генерала отправили на три месяца в далекий Уссурийский край на учения...

Только через несколько лет с какой-то немыслимой оказией из Израиля пришла первая и, как позже оказалось, единственная весточка. Из коротенькой записки на обороте фотографии офицер узнал, что в далекой Хайфе у него растет дочь.

В этом месте генерал прервал свой рассказ и, достав из кармана кителя тот самый снимок, положил его на полированную поверхность столика.

– Пойми, Андрей, с того времени я потерял покой. Попытки разыскать их ни к чему не привели. Больше всего бесило, – продолжал свою исповедь собеседник, – собственное бессилие. После того как рухнул «железный занавес», я два раза срывался в Израиль, однако оба раза вернулся несолоно хлебавши. Ездил, естественно, по туристическим путевкам. Времени было в обрез, а в Хайфу, представь себе, даже попасть не удалось. Видишь ли, по мнению представителя туристического агентства, небезопасно там. Это после Афгана-то?..

Андрей слушал молча, да и какие слова могли помочь в этой ситуации. Понятно было одно: рана в душе друга не зажила до сих пор.

А генерал уже завершал свой не очень веселый рассказ, из которого стало ясно, что его усилия все-таки не пропали даром. После бесчисленных и бесполезных обращений в иммиграционные службы Израиля, как это ни странно, помогли полуночные блуждания по интернетовским форумам. Какой-то совершенно неизвестный сердобольный человек прислал по электронной почте адрес тех, кого он разыскивал.

– Вот такая, брат ты мой, история с географией получилась, – печально подытожил свое повествование генерал. – Ты моя последняя надежда. Сможешь разыскать их и передать мое письмо?..

Глаза генерала, удивительного изумрудно-зеленого цвета, до самых краев наполненные болью, не отрываясь, смотрели на офицера. Столько искренней веры в чудо было и в этом взгляде, и в самом вопросе, что Андрей Лавров, совершенно не раздумывая, ответил:

– Если будет хоть малейшая возможность – сделаю!

– Другого я и не ожидал, – тихо произнес генерал и вздохнул с явным облегчением.

– Там, в конверте, немного «зелени»... – после небольшой паузы продолжил он и, заметив, что офицер готов уже отказаться, повысил голос: – Не дури, Андрей! Почему ты на свое майорское жалованье должен мои генеральские проблемы решать? С этим – все!.. Вопросы есть?

– Один: в каком качестве мы туда отправимся? – уже по-военному четко сформулировал майор.

– Что-нибудь придумаем, но в любом случае стричься пока не надо, да и усы с бородкой, думаю, будут тебе к лицу.

– Ясно, – улыбнулся в ответ собеседник, проведя рукой по гладко выбритой щеке.

– Да, вот еще что, – вспомнил генерал. – Сегодня же зайди к нашим связистам и получи у них мобильники.

– Зачем? У нас и свои есть...

– Про свои можешь забыть! Эти буквально с последней выставки в Ганновере закуплены. Всех тонкостей я и сам не знаю. Ребята-связисты разъяснят. Но главное достоинство аппаратов в том, что их прослушать невозможно. Вернее, даже не совсем так. Прослушать как раз можно, а вот разобрать, о чем речь, – дудки! Сигнал кодируется... На всех твоих, конечно, не расщедрюсь – дорогое пока удовольствие! – но штуки три получи обязательно, пока их мои штабисты не расхватали.

– Я думаю, и вашим такие штучки пригодятся...

– Ну, конечно! Будут на рыбалке между собой секретные переговоры вести – в каких местах окунь клюет лучше. Знаю я хорошо эту публику!..

Старые друзья встали и пожали друг другу руки.

– А про коньячок-то мы забыли, – улыбнулся хозяин кабинета. – Давай – за успех!..

* * *

В заброшенном горном ауле, который опустел еще во время гражданской войны, уже давно отбушевавшей в этих местах, происходило нечто непонятное. Складывалось такое впечатление, что военные действия здесь возобновились в полном масштабе: мелькали фигуры в камуфляже, гремели взрывы гранат, трещали автоматные очереди, горели дома...

Через некоторое время все стихло. Не было ни убитых, ни пленных. Люди, которые только что выбивали двери в уцелевших домах и забрасывали подвалы гранатами, весело разговаривая, начали спускаться в долину. И хоть звучала таджикская речь, а изредка слышались обрывки арабских фраз, на рукавах бойцов рядом со странноватыми знаками различия мирно соседствовали эмблемы Российской армии.

За поворотом горной тропы, по которой спускались эти странного обличья люди, открылся вид на русло давно пересохшей реки, где разместился палаточный городок. Заметно было, что все подходы к лагерю охранялись часовыми. В зарослях кустарника чуть поодаль от жилых палаток были расположены несколько приземистых деревянных бараков. Рядом с ними под навесом – длинный дощатый стол, возле которого призывно дымилась полевая кухня.

Отряд, только что проводивший «зачистку» горного селения, подоспел как раз вовремя. Незадолго перед ним с боевого задания вернулась в лагерь другая мобильная группа, которая в этот день патрулировала участок границы.

Люди, очень похожие на боевиков, оживленно приветствуя друг друга, направились к полевой кухне. Война войной, а обед – по расписанию. Правда, войны как таковой здесь не было, однако и мира – тоже. Здесь, в этом живописном и весьма труднодоступном месте, расположенном на стыке бывших среднеазиатских республик, а ныне независимых государств, базировался один из отрядов спецназа Казбека Рахметова.

Этот еще довольно молодой и не очень образованный человек не так давно стал единственным наследником немалого состояния своего знаменитого отца. Тот за свою бурную жизнь успел побывать и служителем Аллаха в Средней Азии, и полевым командиром в различных горячих точках, и даже представителем федеральной власти в одной из автономий.

Но ни большие должности, которые он занимал, ни высокие связи старшего Рахметова спасти не смогли. Несколько лет назад на горной дороге его персональный бронированный джип взлетел на воздух вместе с охраной. Было это кровной местью, терактом или несчастным случаем – никто до сих пор выяснить не смог.

Его сын, как это частенько случается с детьми, пошел другим путем. Отлично усвоив формулу, что деньги – это власть, он за очень короткий срок сумел основательно приумножить и без того немалые отцовские капиталы, подчинив себе финансовые потоки региона.

Впрочем, рыночные отношения и в Средней Азии, и на Кавказе процветали даже в самые суровые времена всенародной борьбы с расхитителями социалистической собственности. Да и сама советская власть, особенно в последние свои годы, вела здесь довольно осторожную политику, стараясь сильно не вмешиваться в сложные отношения местных кланов и тейпов. Конечно, до определенных пределов. Но и это либеральное послабление давало возможность наиболее предприимчивым людям делать свой бизнес. Недаром в те времена здесь бытовала расхожая фраза «коммунизм – не за горами». Правда, смысл в нее местные жители вкладывали несколько иной, нежели агитпроповские чиновники в Москве.

То, что Памир переводится как «крыша мира», знает каждый школьник. Правда, местные предприниматели утверждали, что Рахметов-младший чересчур дословно трактует это выражение, а слово «крыша» понимает только в его современном прочтении. Но тем не менее «положенный» Казбеку кусок финансового пирога отстегивали регулярно. А еще злые языки поговаривали, что и наркоторговлю в этом регионе контролировал именно он. Однако большие деньги помогли взаимопониманию и с местными властями, и с российским федеральным центром, тем более что младший в большую политику пока не лез. В подобных случаях принято говорить – такие люди и без охраны?

Вот и муштровали в этом укромном и глухом горном месте его доверенные командиры надежную и преданную охрану. На всякий случай. Причем не только для самого «Хозяина», но и для его многочисленной собственности.

Одним из таких «наставников» с богатым боевым прошлым был Рамазан Атгериев – командир отряда «Юг», крепкий бородач с внешностью остепенившегося ваххабита. Он долгое время воевал под началом различных полевых командиров, пока окончательно не пристал к отряду Шамиля Басаева. Здесь он был обласкан и даже приближен к руководству. Но в какой-то момент почуял, что «борьба за свободу родины» не приносит серьезного дохода, а, напротив, требует жертв. В один прекрасный день он ушел из отряда по-английски – не прощаясь.

Некоторое время еще скитался по горам одиноким волком, промышляя от случая к случаю торговлей людьми и выжидая, чем все это дело обернется. Когда же Россия снова всерьез взялась за этот мятежный регион, а местные «авторитеты» мудро решили, что значительно прибыльней греть руки на восстановлении мирной жизни, не стал больше медлить и Рамазан

Атгериев. В тот же час боевик сложил оружие, будучи твердо уверен, что попадет под амнистию.

Так и произошло, но «мирные будни» родины разочаровали Атгериева. Все теплые места были давно распределены. Побыв какое-то время на второстепенных ролях, он без малейшего сожаления распрощался с родными местами и, подобрав несколько единомышленников, отправился «на ловлю счастья и чинов» в Среднюю Азию.

Это его «доблестные абреки» только что увлеченно громили опустевшее горное село. Дабы и здесь, в горных районах Памира, не потерять свою квалификацию, приобретенную во время различных междоусобиц, которых хватало на территории бывшего Советского Союза. Сейчас, после сытного обеда, они живописной группой расположились на небольшой поляне, обмениваясь новостями.

Собственно говоря, новость была одна – предстоящее задание на таком далеком от них Ближнем Востоке. Мнения, естественно, разделились: для одних это была обычная боевая операция в необычном месте, для других – шанс заработать. А для третьих, которым дальше Абхазии и Дагестана бывать не приходилось, – возможность посмотреть мир.

– Самое важное, – решительно вступил в разговор Атгериев, заметив разброд и шатания в рядах подчиненных, – не посрамить родину! Особенно в глазах братьев-мусульман. И чтоб с местным населением – никаких вольностей!

Бородач обвел свое воинство тяжелым взглядом и, задержав его на сухопаром боевике, с угрозой продолжил:

– Про анашу и прочую дрянь чтоб я даже и не слышал. Поймаю – пеняйте на себя. Вы меня знаете. Повывиваю не только зубы...

Резкий и настойчивый зуммер мобильного прервал его «инструктаж». Едва взглянув на номер, бородач поднял вверх указательный палец. Секунду спустя он с придыханием произнес:

– Муфтий Бакиров!.. – и торопливо отошел в сторону.

Все уважительно смолкли...

После непродолжительного разговора командиру стало явно не до своих подопечных. Было заметно, что он удовлетворен содержанием беседы. На его совсем еще недавно грозном лице блуждала с трудом скрываемая довольная улыбка.

– На сегодня – все. Можете отдыхать! – махнув рукой, бросил он своему притихшему воинству и торопливой походкой направился в сторону штаба.

Рахметовцы разбрелись по лагерю, и на поляне остались только двое очень похожих друг на друга людей. Их можно было отличить разве что по росту.

– Интересно, с кем все-таки Атгериев разговаривал?

– Ты что, брат, совсем от стрельбы оглох? Он же сказал...

– Сказал, – насмешливо фыркнул долговязый, – а ты помнишь хоть один случай, когда наш Рамазан, который чуть ли не в замах у самого Басаева ходил, отчитывался бы перед нами?

– ...

– Вот то-то и оно!.. Да и арабский язык я знаю неплохо. А слух у меня, можно сказать, музыкальный...

Глава 3

В крупнейшем израильском порту второй день стоял почти полный штиль. Гора Кармель, на которую вели зеленые террасы знаменитых Бахайских садов, утопала в легкой синеватой дымке. Но даже в такую погоду с ее вершины можно было подробно разглядеть практически всю привольно раскинувшуюся на склонах библейской горы Хайфу. Это третий по величине город Израиля со своими многочисленными памятниками архитектуры, портовыми сооружениями в нижней его части и современными деловыми кварталами района Адар ха-Кармель.

Здесь на обычной улице располагалось совершенно ничем не примечательное снаружи сероватое здание, в одном из помещений которого жизнь не замирала даже глубокой ночью. Светились экраны компьютерных мониторов, с едва слышным шуршанием работали шифровальные машины, перемигивались индикаторами пульта спутниковой связи. Среди всего этого электронного великолепия время от времени мелькали люди в белых халатах. В их повседневные обязанности входило обеспечение синхронного и бесперебойного функционирования всей сложнейшей современной техники, работающей здесь на благо и процветание израильского государства.

Это был операторский зал одной из лучших контрразведок мира – «Шин-Бет», которая являлась важной составной частью сложной системы спецслужб Израиля и отвечала за внутреннюю безопасность. Основными задачами «Шин-Бет» были сбор информации об иностранных разведках, как вражеских, так и дружественных, и охрана израильских официальных лиц. Служба была в основном сориентирована на деятельность внутри страны, но не бывает правил без исключений. В ее сферу ответственности входила также охрана учреждений за рубежом, расследование всех форм подрывной деятельности, направляемой внешними силами, включая саботаж и терроризм за пределами Израиля.

В самом центре операторского зала располагалась совсем небольшая звуконепроницаемая стеклянная выгородка, которую сотрудники между собой называли «аквариумом». За стеклом у отдельного стола с компьютером сидела немолодая грузная женщина и листала какие-то документы. Иногда она задумчиво шевелила толстыми губами, то ли осмысливая прочитанное, то ли тихо разговаривая сама с собой.

В такие минуты она действительно очень напоминала какую-то диковинную глубоководную рыбку, посаженную за стекло на всеобщее обозрение. Поразительное сходство с обитательницей загадочных морских глубин придавали этому существу еще и большие, навывкате, глаза. В их непроницаемой черноте разглядеть зрачки было просто невозможно.

Крупные, рубленые черты ее грубого морщинистого лица вряд ли кто-нибудь отважился бы назвать привлекательными даже во времена ее давно прошедшей молодости. Очевидно, когда всевышний лепил этот образ, его высокое внимание отвлекло нечто значительно более важное, а это творение так и осталось на стадии неоконченного эскиза.

Может быть, в качестве частичной компенсации за ее мужеподобную внешность ей достался удивительный склад ума, начисто лишенный пресловутой женской логики. Иногда казалось, что скорость, с какой эта представительница так называемого слабого пола способна анализировать ситуации и просчитывать варианты развития событий, недоступна даже современным компьютерам.

Как часто бывает у некрасивых женщин, характер у Голды Шейтельбаум, несмотря на ее имя, был далеко не золото. Однако благодаря своим уникальным способностям она стала одним из руководителей контрразведки. Уже на протяжении многих лет эта женщина бесценно возглавляла отделение «Шин-Бет» в Хайфе, на работу которого налагала особую ответственность близость к ливанской границе.

Сотрудники откровенно боялись ее за проницательность и дьявольскую интуицию. Некоторые даже называли начальницу не иначе как «ведьмой», естественно, за глаза.

«Согласно оперативной информации, радикальные исламисты из Организации освобождения Палестины усиленно пытаются возобновить контакты с некоторыми российскими офицерами-мусульманами из спецподразделения „Юг“, ранее воевавшими на стороне северокавказских сепаратистов. Необходим скрытый и тщательный контроль пребывания российских военных подразделений в демилитаризованной зоне на территории Южного Ливана».

...и снова в полутьме компьютерного зала было видно, как безмолвно шевелятся толстые губы за стеклом «аквариума».

* * *

Израильско-ливанский конфликт не вчера начался и, судя по всему, не завтра закончится. Доподлинно разобраться во всех его хитросплетениях вряд ли возможно. В разные годы на территории Ливана находили прибежище представители многочисленных непримиримых арабских организаций, которые с успехом продолжали свою террористическую деятельность против ненавистного им еврейского государства.

Регулярную подпитку давали лагеря палестинских беженцев. Количество этих несчастных людей, которые по различным причинам вынуждены были покинуть свою землю, исчислялось сотнями тысяч. А так как жить им приходилось в условиях, весьма далеких от человеческих, экстремистские организации без особого труда вербовали среди них непримиримых «борцов с кровавым сионизмом».

Пользуясь пониманием, а зачастую и поддержкой ливанского правительства, подобные боевые формирования держали израильтян в постоянном страхе новых атак.

Безусловно, Израиль не стал терпеть регулярные обстрелы своих северных земель. Уже не первый раз в современной истории он развернул широкомасштабные военные действия против сопредельного арабского государства. В этом году формальным предлогом для начала военной операции послужил захват движением «Хизбаллах» двух израильских военнослужащих. Исламисты планировали обменять на них своих главарей, сидящих в израильской тюрьме.

«Партия Аллаха» – как с арабского языка переводилось название этой террористической организации – уже практически создала на территории Ливана свое самостоятельное государство. В основном на иранские деньги была сформирована не только хорошо организованная армия, но и параллельные официальным разведывательные службы. Они были тесно интегрированы и с разведкой Ирана, и с тайной полицией Сирии.

Отлично понимая опасность подобного соседства, Израиль снова направил всю мощь своей военной машины на разоружение террористов и создание зоны безопасности на юге Ливана. Сухопутные войска и военно-воздушные силы атаковали и заняли значительные территории, а военно-морской флот блокировал все порты ливанского побережья.

Для европейских стран такое положение было неприемлемо по различным причинам. Пожалуй, самым важным являлось то, что в свое время западные страны вложили огромные капиталы в строительство и эксплуатацию нефтепроводов, проходящих по ливанской территории. Кроме этого, иностранными компаниями были построены два мощных нефтеперерабатывающих завода в портовых городах Триполи и Сайде. Нефть на эти предприятия поступала соответственно из Ирака и Саудовской Аравии.

Благодаря усилиям многих стран, на основании резолюции Совета Безопасности ООН, была достигнута договоренность о создании, при участии «голубых касок», тридцатикилометровой демилитаризованной зоны. После нескольких месяцев военных действий многострадальная земля Южного Ливана получила передышку. Наконец появилась возможность перевести дух и оглядеться.

Картина для Ливана открывалась безрадостная. Израильские войска «потрудились на славу». Рваными ранами зияли разрушенные кварталы городов, некоторые небольшие селения были просто стерты с лица земли. А самое страшное заключалось в том, что Южный Ливан практически лишился своей пусть и не очень развитой инфраструктуры. Практически все коммуникации были либо уничтожены, либо приведены в состояние полной непригодности. А при отсутствии дорог и мостов все благие намерения различных стран и международных организаций по оказанию гуманитарной помощи уходили как вода в песок.

О воде в этой стране вообще разговор особый. Ее здесь и в мирное время никогда не было в избытке, а сейчас положение стало просто катастрофическим.

В этой ситуации практически весь цивилизованный мир старался по мере возможности помочь людям, попавшим в беду.

* * *

Сегодня, когда цены на нефть подскочили до небес и в казне России скопились сотни миллиардов долларов, совсем недавно нищая страна решила попытаться восстановить свое влияние в Ближневосточном регионе. Батальон российских инженерных войск, откомандированный в Ливан, был первым шагом в этом направлении.

В середине октября два российских военных самолета «Ан-124» «Руслан» приземлились в Бейруте. Они доставили в Ливан военнослужащих и оборудование для развертывания полевого лагеря. Морским путем в столицу Ливана прибыла вторая часть личного состава, сопровождавшая тяжелую строительную технику и мостовые конструкции.

Конечно же, направлен сюда был не рядовой стройбат, а элитная воинская часть. Она была сформирована исключительно из лучших контрактников и оснащена самым современным строительным оборудованием. В этом деле россиянам действительно было чем гордиться. Их мостовые конструкции выдерживали груз в два с лишним раза больший, чем итальянские или французские. По мнению ливанских специалистов, французские металлические мосты не были приспособлены для проезда грузовых машин. У них недостаточная ширина проезжей части. Российские мосты, которые шире на один метр, уже позволяли пропускать по ним грузовой автотранспорт.

Всего же на территории Ливана было разрушено более сотни мостов и автомобильных путепроводов. Российским военным специалистам предстояло восстановить не менее шести объектов. На первых порах ливанские власти определились только с тремя, но первым на очереди был мост на дороге, идущей вдоль морского побережья. Эта автострада являлась основной транспортной артерией, соединяющей центр Ливана с его южными районами. Той территорией, которая больше всего пострадала от военной операции израильтян.

Для подготовки к основным работам еще предстояло сделать очень многое: найти оптимальное конструкторское решение, подготовить технику и наладить связи с поставщиками местных стройматериалов.

Возникли и некоторые трудности, связанные с ливанскими законами. Государству здесь принадлежала только полоса земли шириной в несколько метров, которая расположена вдоль дороги или реки. Все остальные земли в этой стране находились в частной собственности. Поэтому сразу же возник вопрос: где размещать строительную технику и брать материалы для

проведения работ? А понадобится могло многое: и песок для приготовления бетона, и щебень, и бутовый камень.

В этом вопросе российским военным строителям, можно сказать, повезло. Недалеко от будущей площадки находилось соляное озеро, рядом с которым испокон веков добывался камень. Каменоломни от озера были отгорожены старой узкой дамбой. Дорога по ней до сих пор исправно функционировала. Бомбежки почти не повредили ее. Оставалось только решить вопросы с местными властями и организовать добычу камня, а это дело времени и техники.

Правда, было необходимо еще и заключение экологов, но их прибытия из России ждали со дня на день.

* * *

Несколько дней назад на четырех «КамАЗах», трех грузовиках «ГАЗ» и одном «Урале» уже были доставлены к месту назначения первые восемьдесят тонн груза. В большинстве своем это были вместительные военные палатки, сборные конструкции, хозяйственный инвентарь и другие вещи, необходимые для того, чтобы разбить лагерь и обустроить жизнь инженерного батальона.

Пока и мостостроители, и их колоритная охрана жили в палаточном городке, но уже полным ходом шла сборка щитовых домиков – жилья более надежного и комфортабельного. Свободные от караульной службы рахметовцы с нескрываемым интересом наблюдали за дружной работой военных строителей, а некоторые даже по мере сил помогали. Не вечно же им воевать. Может, строительные навыки и у них на родине когда-нибудь пригодятся?..

Неожиданно к расположению российских военных в клубах пыли лихо подкатил фургончик удивительной канареечной раскраски, на борту которого призывно красовалась яркая надпись «Sex-Shop». Из его нутра, распахнув дверцу настежь, буквально выкатился комичного вида человечек с чемоданчиком в руках.

Обычно только при одном виде подобного экземпляра на лицах людей совершенно непроизвольно возникали улыбки. Это был типичный одесский еврей, неизменный персонаж анекдотов, которые с присущим им блеском сами же про себя и придумывали евреи-одесситы. Никто бы даже не удивился, если бы неожиданно выяснилось, что фамилия этого забавного человека действительно Рабинович.

Вальяжной походкой чудаковатый гость направился в сторону группки свободных от нарядов рахметовцев, которые вместе с караульными, спасаясь от жары, лениво покуривали в тени маскировочного тента, натянутого рядом с дощатой будкой КПП.

– Имею честь предложить вам, господа офицеры!.. – не доходя до южан, почти прокричал он на неплохом русском языке, а подойдя несколько ближе и соответственно слегка сбавив тон, восторженно продолжил: – Мои предки выходцы из России, и я тоже очень люблю вас, русских! Хочу делать свой маленький гешефт. Себе самому на пользу, а вам – в удовольствие!..

Еще не очень освоившиеся на новом месте горцы сначала не знали, как реагировать на это явление, но природное любопытство все же взяло свое. Они тесным кольцом обступили неожиданного гостя. А тот уже начал ловко доставать из своего такого маленького, но, как позже выяснилось, практически бездонного чемоданчика свой товар. Было даже удивительно, каким образом он успевал раскладывать для всеобщего обозрения на столике эти многочисленные диковинные упаковки с весьма фривольными красочными картинками.

– Все для секса, все для победы! – подзадоривал торговец обалдевших горцев, никогда в своей жизни не видевших ничего подобного. – Богатейший выбор на любой вкус!..

Выбирать и правда было из чего. На столике уже лежали яркие порножурналы, DVD-диски соответствующего содержания, фаллосы самых причудливых конфигураций, вагины, оснащенные электроподогревом, и прочие штучки-дрючки... Но маленький неугомонный

еврей, словно заправский фокусник, вытаскивал на свет божий все новые достижения современной порномысли и при этом ни на секунду не умолкал:

– Имеются варианты «трефные» и «кошерные», различных расцветок и размеров. Новейшие модели только у меня можно приобрести по очень смешным ценам!.. Налетай – подешевело!..

На этот шум из ближайшего щитового домика вышел капитан вполне славянской наружности, с эмблемами инженерных войск в петлицах. Правда, эти знаки различия никого не вводили в заблуждение. Со дня прибытия никто еще не замечал его участия не только в строительных, но и в каких-либо других работах. Он с едва заметной улыбкой закурил и остался на крыльце, всем своим видом показывая, что весь этот «цирк» его мало волнует, а уж вмешиваться в происходящее он тем более не собирается.

Тем временем электрический компрессор уже надувал резиновую женщину с потрясающими воображение формами. Эта секс-дива, распрямившись, неожиданно соскользнула со столика прямо в руки остолебеневшего командира горцев.

– Я понимаю, вам тяжело здесь без женской ласки! – тут же неосторожно прокомментировал коммивояжер и добавил: – Могу предложить для нее чадру в качестве подарка от фирмы...

– Да как ты смеешь, мерзавец!.. – разгневанно взревел бородач, схватив со стола резиновый член, словно кинжал. – Я тебе этот ... знаешь куда воткну?!

На Рамазана Атгериева было страшно смотреть. Глаза его налились кровью.

Незадачливый бизнесмен попытался найти сочувствие или хотя бы какое-то понимание у молча стоящего в стороне капитана, появление которого, как ни странно, он успел заметить.

– Господин офицер, бедный Арон никого не думал обидеть, – комично всплеснув ручками, залебезил насмерть перепуганный торговец. – Он просто хотел немного подзаработать!..

Видя, что тот абсолютно не реагирует, заезжий коммивояжер подхватил свой «волшебный» чемоданчик и колом покотился к желтому фургончику, по дороге теряя специфичный товар.

Вдгонку ему сыпались замысловатые арабские проклятия и ругательства, но он уже, слава богу, не видел, как взбешенный горец схватил брошенную резиновую куклу и привычным движением перерезал ей горло.

– Аллах акбар! – с явной угрозой бросил бородач вслед уже удаляющейся машине и, резко повернувшись к своим онемевшим соотечественникам, отдал команду: – Джохар, Асланбек, немедленно убрать эту мерзость!

– Вы поступили совершенно правильно, – тихо подойдя к еще не остывшему кавказцу, доверительно промолвил странный капитан. – Мы ни в коем случае не должны допускать морального разложения во вверенном нам подразделении.

С этими словами он вежливо, но настойчиво взял бородастого командира рахметовцев под локоть и, продолжая говорить тихим, вкрадчивым голосом, отвел его в сторону.

* * *

Даже если бы не было массивной рекламы, извещающей об открытии выставки с кратким названием «Вода-2006», выставочный центр, расположенный в районе Адар ха-Кармель, где сосредоточена деловая и торговая жизнь Хайфы, не страдал бы от недостатка посетителей. Сегодня же это современное легкое здание из ажурных стальных конструкций, стекла и бетона с огромным трудом могло принять всех желающих. На входе в павильон и у билетных касс даже возникли крайне редкие в этой стране очереди.

Тема водных ресурсов, важная для Ближнего Востока еще во времена царя Соломона, сейчас была актуальна как никогда. В результате обстрела территории Израиля арабскими бое-

виками пострадали не только водохранилища, но многие водозаборные сооружения. Централизованное водоснабжение во многих районах было также нарушено. И если без еды человек с горем пополам способен обходиться довольно продолжительное время, то без воды, особенно в таком жарком климате, невозможно прожить и нескольких дней.

Жители района Хайфы с интересом знакомились с буровыми машинами, насосами, способными поднимать воду на поверхность с больших глубин, и компактными опреснителями морской воды. Оборотистые люди тут же приценивались, а то и заключали контракты, планируя развивать свой бизнес в этой важной сфере. Особый интерес вызывали автономные средства добычи, очистки и сбережения воды. Все израильтяне стремились к независимости в этом важном вопросе. Именно поэтому посетителей выставки необычайно привлекал стенд фирмы «Царица Савская».

На самом же стенде, как это ни странно, не было почти ничего, кроме нескольких планшетов со схемами и двух юных прелестниц в весьма откровенных мини-юбках. Они только и делали, что охотно раздавали всем желающим еще пахнущие типографской краской рекламные буклеты. В них посетители могли прочесть на иврите, английском и арабском буквально следующее:

Ф И Р М А «Ц А Р И Ц А С А В С К А Я»
ПРЕДЛАГАЕТ УСТАНОВКУ
«АЛМАКА»

***Принцип работы:** бетонная или металлическая чаша (в зависимости от модели) заполняется крупными обломками камней особой плотной породы (монтируется специалистами). Из-за перепада ночных и дневных температур на камнях из воздуха конденсируется влага и стекает в чашу – откуда отводится потребителю.*

***Преимущества:** установка автономна, абсолютно не требует расхода энергии, может быть оборудована практически на любом участке или на крыше дома.*

УСТАНОВКА «АЛМАКА» НЕЗАМЕНИМА для районов с разрушенным централизованным водоснабжением.

Красавицы бойко рассказывали публике о возможностях оригинальной технологии. Они наполняли для всех желающих пластиковые одноразовые стаканчики водой, которая по прозрачной трубке стекала из установки, смонтированной на крыше павильона. И как результат – многие, не отходя от стенда, заполняли цветастые бланки предварительных заказов.

Как всегда на подобных международных мероприятиях, среди празднующихся зевак хватало и неприметных людей, под штатской одеждой которых внимательный взгляд иногда мог безошибочно различить погоны. Переходя от стенда к стенду, они в огромном количестве собирали проспекты, буклеты и каталоги. На различных языках вели заинтересованные беседы с фирмачами и, конечно же, весьма умело заводили знакомства.

Вовремя собрать интересную информацию, украсть новую технологию, а при случае и завербовать представителя нужной фирмы – задача любой спецслужбы мира. Лишней информации не бывает! Даже по тому, какие стенды посещают представители государственных структур, опытные аналитики в тишине своих кабинетов могут сделать очень важные выводы.

А вот и яркий пример подобного визита.

Высокий чин из министерства природных ресурсов Израиля посетил экспозицию фирмы «Царица Савская». Его приветливо и радушно встретил уже не очень молодой, но подтянутый эфиоп. Глава фирмы был одет в безукоризненный темно-серый костюм, который, однако, не мог скрыть военную выправку хозяина. Его грудь вместо галстука украшала массивная золотая Звезда Давида.

По всему было заметно, что представитель министерства уже хорошо знаком с темнокожим владельцем выставочного стенда.

– Желаю здравствовать, господин Арат, – ответил он на приветствие эфиопа. – Примите мои извинения, но времени у меня в обрез, поэтому, если у вас нет возражений, сразу перейдем к делу.

– Как вам будет угодно, – приветливо произнес хозяин стенда и жестом пригласил высокого визитера пройти в комнату для переговоров.

– Мы провели уже первые контрольные испытания вашей установки в одном из кибуцев, – на ходу начал гость. – Очень неплохие результаты. Если бы мы централизованно заказали вам несколько тысяч таких установок?

– Ничего невозможного нет, – белозубо улыбнулся Арат, усаживая чиновника в уютное кресло, – однако нужно время, да и не всякий камень подходит для конденсации воды.

– А в чем проблема?

– Нужен материал с очень плотной структурой и достаточно большой удельной теплоемкостью. А его еще необходимо найти и добыть в нужном количестве. Придется вести поиски не только в Израиле, но и по всему Ближнему Востоку.

Представитель министерства важно покивал головою в ответ, а Арат продолжил рассказ о своих производственных проблемах:

– Есть, правда, одна очень перспективная для разработки каменоломня. Предварительный анализ образцов, взятых оттуда, дал весьма обнадеживающий результат. Но, к сожалению, есть и существенное препятствие...

– И в чем же оно заключается? Может быть, мое ведомство сможет помочь?

– Не знаю, не знаю... – сомневающимся голосом произнес владелец фирмы. – Дело в том, что каменоломня, о которой идет речь, как на грех, находится на территории Южного Ливана в демилитаризованной зоне. Чтобы даже просто попасть в те края, нужны особые пропуска. Я уже не говорю о разрешении на проведение там каких-нибудь работ. Оформление подобных бумаг отнимает уйму времени и здоровья, да и выдают-то, как правило, разовые документы...

После этого объяснения Арат беспомощно развел руками и с опечаленным выражением лица замолк.

Чиновник, напротив, оживился и важно произнес:

– Что же вы, господин Арат, раньше не сообщили мне напрямую об этих сложностях? Я все же не в керосиновой лавочке работаю! Завтра я лично займусь этими вопросами. Думаю, через день у вас на руках будут все необходимые документы, причем – постоянные! Это все-таки дело государственной важности!

Создавалось впечатление, что продавец набивал цену своему товару, а представитель министерства его уговаривал. На самом же деле разговор был предназначен в основном для чужих ушей. Ведь стенды на подобных выставках, как правило, напичканы «жучками» от различных заинтересованных ведомств.

Фактически между этими переговорщиками все было давно решено, к обоюдному удовольствию: фирма получала от государства крайне выгодный заказ с гарантированной оплатой, а ушлый чиновник – свой процент от фирмы...

* * *

Для «представителя государственных интересов» господин Гассам Арат был преуспевающим бизнесменом. Чиновник и не подозревал, что его сегодняшний партнер в далеком прошлом был профессионалом в совершенно иной области – командовал личной охраной правителя Эфиопии. Когда же в одночасье рухнул коммунистический режим, и Менгисту Хайле

Мариам, прихватив «сбережения», сбежал в Зимбабве, командиру его гвардейцев пришлось начинать жизнь практически с нуля.

В родной Эфиопии такой возможности не было. Уж слишком много врагов успел нажить себе неудавшийся «строитель социализма». Позднее в Алжире, куда забросила Арата изменчивая судьба, навыки диверсанта-головореза не были по достоинству оценены и не нашли соответствующего применения. Пришлось учиться заново и осваивать совершенно гражданскую профессию гидроинженера. Однако авантюрный склад характера со временем взял свое. Арат довольно быстро близко сошелся с радикально настроенными исламистами. Эти люди по окончании учебы и подсказали ему, каким образом можно достаточно успешно и без особых хлопот натурализоваться на «земле обетованной».

Его мать исповедовала иудаизм, религию, достаточно широко распространенную в этой древней африканской стране. По еврейским же традиционным законам национальность человека определяется исключительно по материнской линии. Таким образом, выходило, что Гассам Арат точно так же, как и любой другой еврей в мире, имел полное право «вернуться на историческую родину».

Осел эфиоп неподалеку от Хайфы, в которой к тому времени уже проживало большое количество его смуглолицых соотечественников. Новая профессия дала ему возможность заняться достаточно прибыльным в этой стране бизнесом. Не без помощи своих старых связей с исламистами он постепенно разбогател.

Вполне естественно, что эти контакты, возникшие еще во время учебы в Алжире, предприимчивый арап никогда не афишировал, но и предусмотрительно не терял. И уж, конечно, «олимом» – новоиспеченным иудеем – себя не считал, а в глубине души одинаково тихо ненавидел и евреев, и христиан...

* * *

И все-таки в бизнесе, особенно когда речь идет о больших деньгах, чувства отступают на задний план. Вот сейчас и угождал успешный фирмач Гассам Арат напыщенному министерскому бюрократу, который попивал ароматный кофе в предвкушении давно обещанной ему кругленькой суммы.

«Так торопился, но несколько рюмок коньяка на халяву все-таки выпил, а после этого и от чашечки кофе не отказался», – улыбнулся своим мыслям довольный собой эфиоп.

Тем временем среди толпы посетителей, стараясь быть незаметным, уже довольно давно вертелся человек арабского происхождения, но с явным оттенком европейского лоска. Он то удалялся от стенда «Царицы Савской», то вновь возвращался, как будто для того, чтобы еще раз послушать объяснения или выпить порцию чистой воды.

Как раз в тот момент, когда господин Арат вышел проводить своего чиновного гостя, подозрительный незнакомец вроде бы совершенно случайно оказался рядом. Поймав взгляд эфиопа, он обменялся с ним неприметными для окружающих жестами. Немой вопрос, который до этого читался на его лице, в то же мгновение сменился едва заметной удовлетворенной улыбкой, и через какую-то минуту странноватый араб бесследно растворился в пестрой толпе.

Глава 4

Горные массивы Ливана, состоящие в основном из песчаника и известняка, в свое время дали название этой небольшой стране на средиземноморском побережье. На одном из местных древних языков это слово как раз и обозначало – «белые горы». Отроги этих гор кое-где спускались почти к самому морю. Именно в таком месте была расположена каменоломня, строительными материалами из которой собирались пользоваться россияне. По сути, ее можно было по праву считать памятником развития строительного дела.

В южной, самой старой ее части, где камень добывался ручным способом еще с библейских времен царя Соломона, сохранились многочисленные давно заброшенные выработки. Эти древние лабиринты еще ждали своих исследователей. Местные жители утверждали, что в некоторых подземельях есть даже наскальные росписи, выполненные их далекими предками.

Дамбу, что отделяла рукотворный кратер от соляного озера, проектировали в первой четверти прошлого столетия инженеры из Парижа. Это было вполне естественно, так как ливанские земли в то время находились под французским протекторатом.

Северная стена карьера носила следы уже современного взрывного метода добычи камня.

Когда-нибудь в мирное время, наверное, создадут здесь музей под открытым небом, куда будут привозить на экскурсии любознательных ливанских школьников. А шикарные автобусы будут доставлять сюда богатых иностранных туристов.

Но пока на этой древней земле и войны вроде не было, однако и до настоящего мира было еще далековато.

* * *

На одной из нижних террас карьера стоял капитан Иван Оглоблин, тот самый офицер, без бдительного надзора которого ничто в российской армии обойтись не могло. Особист был наконец при деле. Вместе с командиром рахметовцев Рамазаном Атгериевым и несколькими его бойцами он завершил осмотр места предстоящих работ. Оставалось только сделать выводы и принять решение по охране объекта.

– Я думаю, здесь нужно установить как минимум четыре поста, – обтекаемо начал Иван Иванович, – хотя обстановка может диктовать и большее количество.

По его вступлению было совершенно понятно, что он, как типичный представитель своего пресловутого ведомства, брать ответственность на себя не хотел. Но, заметив, что высказывать свои мысли спецназовцы не спешат, сделал еще одну попытку подтолкнуть их:

– Однако вы люди в подобных вопросах более сведущие. Тем более что здесь одни камни вокруг. Совсем как на вашей родине.

Капитан смолк, словно утомившись от своего монолога, и начал обмахиваться фуражкой.

Несмотря на осень, солнце жарило просто немилосердно. Днем в тени ртутный столбик на термометре ниже тридцати градусов практически не опускался. Только вчера двое контрактников солнечный удар получили.

Молчал и командир рахметовского спецназа, задумчиво глядя на темнеющие входы в подземные галереи. Сегодня с самого утра, по холодку он уже внимательнейшим образом осмотрел все подступы к карьере. Даже успел облазить часть лабиринтов старой каменоломни.

– И все же, Рамазан, что ты по этому поводу думаешь?.. – не выдержал затянувшейся паузы особист.

– Сделаем все, как скажете, товарищ капитан, – несколько невпопад заученно ответил горец. А про себя подумал:

«Конечно, дорогой, сделаем... Только так, как понадобится мне! Не будешь же ты по такой жаре шастать каждый день по каменоломне со своими проверками. Хотя... Черт тебя знает... Службист еще тот!..»

Поняв, что конкретного ответа ему сейчас не дожидаться, «боец невидимого фронта» по привычке переключился на другую тему, которая его даже больше волновала. Он отвел Атгериева чуть в сторону от его подчиненных, словно подчеркивая, что разговор не для их ушей, и вполголоса спросил:

– А про наших экологов что твои люди говорят?

– Разное, товарищ...

– Да брось, дорогой! Зови меня просто Иваном Ивановичем.

– Говорят, что водку не сильно пьют, по-английски неплохо шпарят. Некоторые из них даже арабский язык немного понимают... Они, часом, не из вашего славного ведомства?

Рамазан Атгериев хорошо знал русский язык и разговаривал, в отличие от многих своих соплеменников, практически без акцента. Только в те минуты, когда он волновался или злился и слова в его голове начинали путаться, можно было по разговору определить, что перед вами кавказец.

– Вот и я гляжу – выправка у них вроде и военная, а вот прически совершенно не уставные. Странная какая-то публика. Но если бы они из наших были, я бы наверняка знал. А вообще...

Особист явно думал продолжить разговор, но в этот момент за его спиной раздалось негромкое покашливание. Обычно так ведет себя человек, желающий тактично привлечь внимание к своей особе.

Резко и почти одновременно обернувшись, Оглоблин с Атгериевым с удивлением увидели в пяти шагах от себя старшего группы экологов.

«Легок на помине! Каким образом он смог подойти так тихо? Наверняка и разговор мог слышать», – раздосадованно подумал капитан, а вслух с улыбкой произнес:

– О, добрый день! Уже при исполнении? Простите, не припомню, как вас?..

– Андрей Лавров, – добродушно улыбнувшись в ответ, представился эколог.

Усы и аккуратно стриженная модная борода придавали его облику несколько щеголеватый вид, который не очень вязался с комбинезоном защитного цвета.

– Иван Иванович Оглоблин, – отрекомендовался особист.

– Рамазан, – буркнул бородатый рахметовец, зло зыря на своих вмиг притихших подчиненных, которые умудрились проворонить неожиданное появление этого человека.

– Я, очевидно, не вовремя, – заметив настроение офицеров, произнес Лавров извиняющимся голосом, с явным желанием хоть как-то разрядить обстановку, – но у меня к вам есть несколько вопросов.

– Ну, что вы, что вы!.. Какие могут быть церемонии между нами? – отеческим тоном произнес капитан, несмотря на то, что был он, безусловно, младше по возрасту. – Природоохранные проблемы не только вам, экологам, но и нам, военным, далеко не безразличны.

– Наша цель – в короткие сроки подготовить заключение о состоянии окружающей среды, – начал объяснять офицерам Андрей Лавров. – Для этого мы будем брать пробы грунта, вести мониторинг состояния воздуха и воды. У нас есть определенные подозрения, что израильские войска могли в ходе конфликта применять фосфорные бомбы и боеприпасы с сердечниками из обедненного урана. Вы здесь дольше находитесь. Случайно от местных жителей ничего про это не слышали?

– Да вроде не приходилось, – безразлично пожал плечами горец.

Особист же, в свою очередь, изобразил на своем холеном, тщательно выбритом лице крайнюю степень заинтересованности вопросами охраны окружающей среды, но почему-то скромно промолчал.

– Ну, ничего. Как-нибудь разберемся. Команда у нас серьезная – из различных научно-исследовательских институтов специалистов подбирали. Причем в основном тех, кто ранее уже работал по этой тематике в Югославии. Вот только оборудование, к сожалению, полевое, но что-нибудь придумаем, – уверенно сказал Андрей, предвосхищая вопрос, почему у экологов нет серьезной лаборатории. И, не давая никому вставить слова, продолжил: – А еще у меня просьба: не поможете ли мне осмотреться в этих каменоломнях? Знаете, в такой компании как-то безопаснее себя чувствуешь...

Несмотря на то что обоим офицерам в последней фразе послышалась плохо скрытая издевка, разве можно было отказать такому обаятельному и увлеченному своей работой человеку?

Около полутора часов разговорчивый эколог никак не мог удовлетворить свое любопытство. Даже рахметовцы, не говоря уже про Ивана Ивановича, несколько выбились из сил. А он все без устали карабкался по горизонтам открытого карьера, отбирал в пакеты пробы грунта и образцы камней, делая при этом какие-то записи в блокноте. И даже не преминул с интересом заглянуть в темные входы старых выработок.

Наконец его энтузиазм иссяк.

Когда благодарный эколог вместе со своими взмысленными провожатыми уже почти поднялись наверх, они заметили машину с бурильной установкой, которая двигалась им навстречу. Сойдя на обочину, чтобы пропустить ее, вся группа была вынуждена остановиться и прижаться к отвесной скале.

«В кабине – двое», – машинально отметил Андрей.

В этот момент водитель, уже разминувшись с российскими военными, внезапно резко затормозил и начал сдавать назад. Его маневр в этой ситуации был настолько неожиданным и странным, что бойцы Аггериева даже взяли свои «калаши» на изготовку. Однако автомобиль так же неожиданно остановился и почти тут же, как будто взяв разгон, снова лихо рванул вперед.

– Может, крупный булыжник объезжал? – высказал догадку бледный, как полотно, особист.

«Царица Савская», – про себя повторил Андрей Лавров логотип, который успел прочесть на борту странного встречного автомобиля, – где я это имя слышал?»

* * *

Еще дома, перед тем как отправиться в эту южную, хоть и находящуюся на Ближнем Востоке, но все же далекую страну, Батяня для начала решил познакомиться с ней хотя бы теоретически. Он отправился в библиотеку, где набрал ворох различной литературы о Ближнем Востоке вообще и о Ливане в частности. Не успев толком почти ничего прочесть, а только наскоро перелистав некоторые книжки, он несколько из них просто прихватил с собой.

Сейчас, вернувшись в расположение воинской части после знакомства с каменоломнями, Андрей решил по горячим следам полистать эти книги. Он надеялся найти что-нибудь о царице Савской, но, к сожалению, в изданиях о Ливане это имя совсем не упоминалось. И все же его не покидало ощущение чего-то смутно знакомого.

Но, как говорят, нет худа без добра. Десантник не на шутку увлекся чтением и просидел за этим занятием почти до самого вечера. Наверное, если бы ребята не позвали на ужин, и кусок ночи прихватил бы. Он, конечно, не надеялся с помощью книжек полностью вникнуть в обстановку на Ближнем Востоке. Хотелось в общих чертах знать, с какими действующими здесь силами, возможно, придется ему столкнуться.

К своему удивлению, Батяня узнал, что больше половины населения Ливана являлись христианами. Среди них были и католики, и православные, и даже какие-то марониты. Про

такую конфессию он никогда до этого даже не слышал. И уж, конечно, не знал смысла этого слова.

С мусульманской частью населения дело обстояло еще сложнее. Здесь незнакомыми оказались почти все слова. Сунниты, шииты, друзы. Конечно, первые два слова он неоднократно встречал в различных телепрограммах и газетных статьях, посвященных событиям в мусульманском мире. Но было впечатление, что даже некоторые авторы этих материалов не вполне понимают смысл этих слов. К счастью, объяснение им почти сразу нашлось в его книжках.

Сунниты при решении вопроса о главе мусульманской общины, имаме-халифе, интересовались мнением всех членов сообщества. Шииты были публикой более ортодоксальной. Единственными законными преемниками пророка Мухаммеда, а соответственно и халифами, они признавали только Али и прямых его потомков.

Вряд ли Андрей предпринял бы отчаянную попытку разобраться в этих религиозных тонкостях, если бы не прочел, что со всем этим теснейшим образом связано устройство государственной власти в Ливане. Оказалось, что по удивительно сложным законам этой страны президентом мог быть избран исключительно христианин-маронит, премьер-министром – суннит, а председателем парламента – шиит. Сам же парламент избирался по очень сложной системе строгих квот для всех даже совсем малочисленных религиозных течений.

Когда Батяня вычитал, что здесь проживают приверженцы шестнадцати религиозных направлений, настроение у него явно ухудшилось. Когда же вдобавок ко всему узнал, что в Ливане действовали около семи десятков фронтов, организаций и партий, а едва ли не каждая вторая создала при себе собственную милицию, и все это к тому же происходило в крошечной по российским меркам стране, на площади в четыре с лишним раза меньшей, чем Московская область, он в отчаянии захлопнул книжку и отложил ее в сторону.

«А я-то, наивный, думал в два счета разобраться в такой ситуации!..» – подтрунивал над собою Андрей, отправляясь на крыльцо, чтобы выкурить сигарету.

Стоя под куполом ночного неба с таким непривычным расположением знакомых созвездий, поневоле задумаешься и о бесконечности этого черного пространства над головой, и о тайнах мироздания. Если и есть Некто, сотворивший все это великолепие, размеры которого ни наука, ни даже воображение постичь не в состоянии, то какими же мелкими и ничтожными кажутся Ему все глобальные земные проблемы.

Что уж говорить о мелочных склоках и кровавых разборках между сторонниками разных религиозных течений, которые усиленно провоцируют их лидеры...

* * *

Иногда сотрудникам филиала «Шин-Бет» в Хайфе казалось, что их старая начальница никогда не покидает стены офиса. Было совершенно непонятно, когда она ест, пьет, а тем более спит и делает ли это вообще. Создавалось впечатление, что, кроме работы, в ее жизни не было ровным счетом ничего.

Сегодня, когда все иудеи по божьему наказу должны были отмечать день окончания рабочей недели – священный праздник шабат, – в офисе контрразведки работали только дежурные специалисты.

Правда, Хайфа в этом отношении город не совсем обычный. На сегодняшний день это было, пожалуй, единственное место в Израиле, где по субботам функционировал городской транспорт. Даже многие увеселительные заведения не закрывались в этот день, как это происходило во всей остальной стране. Возможно, это объяснялось еще и тем, что большую часть трехсоттысячного населения составляли не коренные израильтяне, а выходцы из различных уголков земли. Публика весьма разношерстная, некогда бывшая в своих странах так называемым пролетариатом и трудовой интеллигенцией. И все же вечерней порой даже это не совсем

ортодоксальное еврейское население обязательно садилось за празднично накрытые столы, чтобы отметить шабат.

Однако и этим субботним вечером Голда Шейтельбаум, как всегда, сидела в своем «аквариуме» за монитором компьютера. В уголке ее толстых губ совершенно бесполезно дымилась сигарета, о существовании которой она, кажется, тоже забыла. Ее черные глаза поверх массивных очков в неуклюжей оправе внимательно вчитывались в текст нового донесения:

«Источник в Южном Ливане сообщает, что подразделение мусульманского спецназа контролируется представителями российских спецслужб. В задачу недавно прибывшей из Москвы группы десантников, легендированной под видом экологов, по всей видимости, входит осуществление разведывательных действий.

Источник в «ХАМАС» предполагает, что в ближайшее время возможна тщательно подготовленная провокация с целью дискредитации присутствия России в демилитаризованной зоне. Необходим регулярный мониторинг и аналитическая проработка событий в районе дислокации и ответственности российского воинского контингента».

Загасив сгоревшую до фильтра сигарету и еще раз бросив взгляд на монитор, Голда Шейтельбаум привычным движением руки нажала кнопку селекторной связи.

– Далида, зайди, – не наклоняясь к микрофону, отдала она краткое распоряжение и снова погрузилась в свои мысли.

Через минуту бесшумно открылась стеклянная дверь, и на пороге появилась элегантная молодая женщина – секретарь офиса. Строгий темно-синий костюм был ей очень к лицу, тем более что он эффектно подчеркивал привлекательность ее стройной фигуры.

– Завтра с утра я выезжаю в демилитаризованную зону, – откинувшись на спинку кресла и водрузив свои почти мужские руки на подлокотники, произнесла начальница, – может быть, наведаюсь и в Палестинскую автономию. Если не случится каких-нибудь неожиданностей, скорее всего, буду к концу недели. До моего возвращения – свободна. Можешь отдыхать. А сейчас соедини меня с министром обороны.

– Не забудьте, что на пятницу у вас назначено совещание в Иерусалиме, – мягко напомнила Далида, уже выходя из «аквариума».

– Спасибо, я помню...

У старой контрразведчицы были свои серьезные планы, для воплощения которых ей необходима была помощь военных. Но до поры до времени она решила не посвящать в их содержание даже самых ближайших и доверенных сотрудников.

Хотя разве могли быть какие-либо другие в такой серьезной и важной организации, как контрразведка?..

* * *

Древний город Бейрут, основанный тысячелетия за полтора до рождения Христа, знал в своей истории и лучшие времена. Выгодное географическое положение на пересечении торговых путей, с одной стороны, позволяло городу бурно развиваться, но с другой – всегда привлекало многочисленных захватчиков. Городские стены помнили времена Финикийского царства, расцвет империи Александра Македонского, власть могущественного Рима, походы крестоносцев, борьбу Византии с Персией, владычество Оттоманской империи и многое другое. Конечно, завоеватели есть завоеватели, но в то же самое время и финикийская, и византийская, и римская культура оставила в неповторимом облике города свой след.

О столице Ливана люди, побывавшие здесь, отзывались по-разному. Кто-то, отдавая должное развитию местных банков, называл Бейрут ближневосточной Швейцарией. Кто-то, очарованный европейской архитектурой, прекрасными магазинами, уютными кафе и ресторанами, считал, что этому городу более всего подходит название Парижа Средиземноморья. Однако все сходились на мысли, что это настоящая жемчужина Ближнего Востока.

Двадцатый век по-своему распорядился и этим наследием, и славой знаменитого города. Десятилетняя гражданская война практически превратила столицу Ливана в руины. Правда, к концу столетия город, как сказочная птица Феникс, восстал из пепла. В христианских кварталах о гражданской войне напоминали только несколько зданий со следами разрывов артиллерийских снарядов. Постепенно отели вновь стали заполняться туристами, которые любили эту небольшую страну за ее живописное расположение на берегу Средиземного моря у подножия высоких гор.

Но наступил двадцать первый век. Для города он начался не лучше. Не успев как следует оправиться от страшных последствий религиозных междоусобиц, он снова подвергся разрушениям. И хоть так называемой «зеленой линии», что во время прошлой гражданской войны делила город на две части, сегодня не было, напряженность продолжала сохраняться. Ливанские христиане и мусульмане жили в столице как бы в двух параллельных мирах, которые старались без крайней необходимости не пересекаться.

За чудом выстоявшей с XIII века мечетью Джами аль-Омари по традиции ютились мусульманские кварталы, и в мирное время не очень благополучные. Сегодня ситуация здесь была просто ужасающая.

Израильские вооруженные силы во время последнего конфликта нанесли ряд точечных ударов по столице Ливана. Их целью были в основном офисы движения «Хизбаллах» и места дислокации военизированных формирований этой партии.

Однако, как и в любой войне, пострадали и жилые кварталы. На улицах среди руин и завалов битого кирпича играли чумазые оборванные детишки. Люди часами простаивали в длинных очередях у автомобильных цистерн с питьевой водой.

И все же в этом грешном мире люди не могут жить без вождей. Заповедь «не сотвори себе кумира» так и осталась «гласом вопиющего в пустыне».

Несмотря на разруху, едва ли не на каждом доме висели огромные портреты шейха Хасана Насраллы – идейного вождя современного арабского терроризма, лидера радикального шиитского движения «Хизбаллах». Эта организация существовала в основном за счет финансовой поддержки Ирана, не жалевшего денег на экспорт исламской революции. По различным сведениям, ежегодная помощь братьям по вере, которые должны были «мужественно противостоять израильской гегемонии на Ближнем Востоке», составляла от тридцати до ста миллионов долларов.

Часть этих средств руководство организации направляло на строительство школ, больниц и жилых домов в шиитских районах. Организация оказывала финансовую помощь в восстановлении жилых домов и деловых центров, получивших повреждения в ходе боевых действий на юге Ливана, а также участвовала в работах по восстановлению дорог. Тем самым завоевывая тысячи активистов и сторонников по всей стране.

Поэтому и росла популярность лидера организации. Хотя шейх Насралла и не занимал абсолютно никаких официальных постов, его влияние в Ливане было огромным. Он умудрился практически создать свое государство в государстве. Причем почти со всеми главными атрибутами власти. Вот и украшало благодарное шиитское население Ливана его портретами даже стены развалин.

* * *

Невдалеке от одного из таких полуразрушенных домов в мусульманском квартале Бейрута стояла белая медицинская машина с красным полумесяцем на борту, очевидно, приехавшая сюда за больным или раненым. Не только в южных районах Ливана, но и в самой столице после довольно серьезного военного конфликта такие автомобили были не в диковинку. Однако через узкие прозрачные полоски на матовых стеклах разглядеть что-либо внутри машины было невозможно.

На самом деле в салоне санитарной машины никакой медицины даже не пахло. На каждом сиденье, явно снятом с какого-нибудь шикарного лимузина, расположился бородатый старик в белых одеждах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.